

УДК 801

ПРАГМАТИКА ОСЛЫШКИ ЛИБО НЕДОСЛЫШКИ В ПРОЕКЦИИ НА СИТУАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Космеда Т. А.

*Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко,
г. Дрогобыч, Украина*

В статье характеризуется актуальное для речевой деятельности явление возникновения коммуникативных девиаций, характерное прежде всего для педагогической коммуникации, что связано с настоящими либо имитированными ослышками либо недослышками, мотивированными нарушением норм орфоэпии, дефектами артикуляции, рече-поведенческими тактиками, нацеленными на ведение коммуникации в соответствующем русле, а также с учетом запланированного, ожидаемого результата коммуникации. Недослышка может быть основанием языковой игры.

Ключевые слова: коммуникативная девиация, ослышка, недослышка, педагогическая коммуникация, рече-поведенческая тактика, языковая игра.

Понимание жизни как коммуникации вызвало потребность в исследованиях, направленных на коммуникативную интерпретацию речевого поведения, что и мотивировало возникновение одной из основных задач коммуникативной прагматически ориентированной лингвистики, активно развивающейся в русле современной парадигмы лингвистических знаний. В этой области сегодня особенно активно работают такие украинские и русские ученые, как Ю. Апресян, Н. Арутюнова, Ф. Бацевич, Т. Булыгина, В. Демьянков, И. Стернин, А. Шмелев и др.

Актуальность. Проблема непонимания в процессе коммуникации также активно исследуется, в частности в русле коммуникативной девиатологии. По мнению Ф. Бацевича, «непонимание в коммуникации – это неумение или неспособность адресата в силу разных причин декодировать (понять, правильно интерпретировать, определить коммуникативный смысл и под.) речевого и/или неречевого, паралингвального сообщения адресанта» [2; с. 120]. Безусловно, непонимание может быть истинным. В этом случае следует искать причину такого непонимания. Причины коммуникативных девиаций подробно описаны в украинистике Ф. Бацевичем [1]. Однако непонимание может быть и ложным, то есть может быть выражением запланированной рече-поведенческой тактики. В свете сказанного, как представляется, недостаточно описана прагматика ослышки либо недослышки. Отсутствуют определения этих коммуникативных явлений и в словаре Ф. Бацевича «Словник термінів міжкультурної комунікації», хотя в сфере межкультурной коммуникации данное явление имеет специфику своего выражения, не рассматривает данные явления и П. Донец [5].

Таким образом, *цель* настоящей статьи – привлечение внимания к выделенной проблеме, так как описание ослышки и недослышки в аспекте прагматики весьма важно для современной теории коммуникации, в частности для описания коммуникации педагогической.

В толковом словаре В. Даля сказано, что ослышка – это ошибка слуха по недослышке или по невниманию. Здесь же приводятся пословицы, которые указывают, что это явление частотно в речи, но в народном сознании оно осуждается, получает отрицательную оценку, ср.: *Ослышка да спотычка на кого не живет. Ослышки да обмолоки не к добру ведут* [4, с. 1811].

В словаре галицко-русских пословиц, собранных и описанных И. Франко, также представлено явление ослышки либо недослышки в отрицательной оценке народа, ср.: *глухий німець* – данное высказывание И. Франко объясняет: «не глухой, а не понимает, что ему говорит Русин» либо подобное – *Говори до нього, коли він Німець!* – это выражение негодования относительно поведения человека, который не хочет понимать слов, обращенных к нему [3, с. 604].

Частично явления ослышки и недослышки изучала О. Сиротинина, которая подчеркивала, что «в разговорной речи нет четкости произношения. Этот факт послужил причиной для противопоставления полного и разговорного стиля произношения. ...» [6, с. 233], однако ослышки объясняются не только разговорным стилем произношения. Видимо, ослышки можно определить как ситуации невосприятия коммуникации из-за артикуляционной нечеткости либо ошибок, связанных с нарушением орфоэпических норм, а также имитации непонимания для реализации определенных рече-поведенческих тактик, осуществляемых путем переспроса для уточнения, снятия сомнения, выражения своего мнения и под. Таким образом, при ослышке или недослышке возникает потребность в переспросе. Подобные ситуации особенно часто возникают и в процессе учебной деятельности в том случае, если преподаватель или ученик недостаточно владеют орфоэпическими нормами либо имеет дефекты речи, либо планируют непонимание, вступая в определенную языковую игру, имитируя такое непонимание.

О. Сиротинина справедливо отмечает, что «в ряде магнитофонных записей разговорной речи, сделанных в Саратове, зафиксированы переспросы при достаточно четком произношении, не вызывающем никаких сомнений у аудиторов даже при прослушивании отдельных слов или фраз вне контекстов всего разговора: Очевидно, здесь ведущую роль играет семантическое ожидание, т.е. семантическое прогнозирование собеседника...» [6, с. 234]. Данное явление можно объяснить так: в ситуации коммуникации слушатель прогнозирует определенный ответ и ему кажется, что именно такой ответ он получает. Если же ответ не оправдывает ожидания, то слушатель решается переспросить, надеясь все же услышать ожидаемый ответ хотя бы при повторном озвучивании определенного вопроса, т.е. возникает попытка изменить ход коммуникации. Ср. пример, приведенный О. Сиротининой: «Разговор об устройстве на работу прерван приготовлением кофе. На стол ставится торт, в чашку наливают кофе. А. *А какой оклад ей положили?* – Б. *Я с тортом буду. А ты что спросил?* – А. *Какой оклад ей положили?* – Б. *А-а. А мне послышалось: Сколько сахару положить*». Ослышка

вызвана не фонетической общностью произнесения *какой оклад* и *сколько сахару*, а влиянием ситуации, т.е. опять-таки семантическим прогнозированием...» [6, с. 234]. Как видим, семантическое прогнозирование бывает сильнее слухового восприятия.

Ситуация ослышки может возникать и тогда, когда слушатель преднамеренно хочет изменить ход коммуникации и делает вид, что он услышал то, что хотел услышать. В таком случае коммуникант не собирается переспрашивать, а продолжает разговор так, как ему удобно, имитируя ситуацию полного понимания. Такая ситуация часто возникает и в процессе педагогического общения: преподаватель либо ученик «играют» в ослышку.

О. Сиротинина предлагает разграничивать ослышки и недослышки, расшифровывая свои магнитофонные записи, лингвист обнаружила такой диалог: «А. *А дог – это хорошая, да. Такая породистая.* – Б. *У Нины Ивановны.* – А. *А я видела ее, видела собаку такую.* – Б. *И я видела.* – В. *Я к ним ходила.* – Б. *А теперь девочка там есть, она в первом классе сейчас учится, она говорит: Я вот в цирк пойду, его позову, он убежит оттуда.* – А. *Откуда оттуда?* – Б. *Из цирка.* – А. *А-а.* – Б. *Купили у них.* – А. *Ну да. Цирк.* При прослушивании записи слово «цирк» слышно совершенно отчетливо, но семантически цирк оказывается неожиданным и вызывает переспрос. Характерна реакция переспросившего (А-а. Ну да. Цирк), свидетельствующая о том, что слово *цирк* он слышал, но **усомнился** в правильности восприятия слова» [6, с. 235]. Следовательно, функция переспроса в этом случае – по-настоящему развеять сомнения.

Переспрос можно рассматривать и как своеобразный перевод на обычную номинацию, если слово, словосочетание непонятно. Такая ситуация также часто возникает в педагогической коммуникации, когда ученик не понимает вопроса. Иногда и преподаватель, сомневаясь в ответах своих учеников, переспрашивает, чтобы уточнить ответ, развеять сомнения, убедиться в том, что ответ он понимает правильно. В таком случае недослышки, неточности в ответах вызывают потребность уточнить ответ. В таких ситуациях часто имеет место речеповеденческая тактика переспроса-поправки, что особо характерно для педагогической коммуникации.

О. Сиротинина делает вывод о том, что возникающие ослышки и недослышки свидетельствуют о значительной роли семантического торможения, с одной стороны (услышанное кажется невозможным, возникает сомнение в правильности услышанного), и о наличии в процессе общения прогнозирующей работы нашего сознания – с другой стороны. Нарушение ожидания вызывает либо ослышку, либо недослышку. «Частичная общность фонетического состава слов вряд ли играет при этом большую роль, так как иначе мы фактически в условиях разговорной речи просто не могли бы понимать друг друга. Вместе с тем непонимание – явление чрезвычайно редкое. При расшифровке магнитофонных записей оно, наоборот, наблюдается часто, так как семантическому прогнозированию и семантическому торможению мешает отсутствие предметов, о которых идет речь, разная апперцепционная база аудитора и участников разговора» [4, с. 236].

По мнению психолингвистов, обобщение и категоризация – это не установка на исчерпывающее использование информации, а наоборот – на выбрасывание

ненужного для достижения конкретной цели, в частности Р. Фрумкина отмечает, что «еще в середине 1960-х годов было сделано следующее заключение: при распознавании любой входной информации человек справляется с ней не путем исчерпывающей обработки поступившего сигнала, а на основе **выбрасывания несущественной информации**. Что существенно и что несущественно – мы определяем практически неосознанно, в соответствии со спецификой нашего жизненного опыта и особенностями конкретной задачи» [7, с. 89]. Р. Фрумкина размышляет об эгоцентрическом языке детей, «во время которого каждый собеседник говорит для самого себя, не обращая внимания на других и не отвечая им. Стало быть, функция этого эгоцентрического языка состоит в том, чтобы озвучить свою мысль или свою активность» [7, с. 222], т.е. в основе ослышек и недослышек может быть и проявление некоего языкового эгоцентризма либо эгоцентрической речи, в частности речи молодых преподавателей, которые не сразу начинают понимать, что лекции нужно адаптировать, учитывая уровень знания студентов. Трудности в понимании эгоцентрической речи мотивированы двумя основными причинами: во-первых, таким типом речи, который не приводит к разумной взаимности, во-вторых, типом речи, который не учитывает мнения других. Именно при таких типах речи умышленные или мнимые ослышки и недослышки могут проявляться чаще. Очевидно, выделенные причины следует разграничивать.

Представляется, что ослышки и недослышки могут касаться не только вербальной речи, но и невербальной, ведь можно заметить либо не заметить важное, «говорящее» движение, жест, взгляд и т.п. Не замечать можно и другие знаки, важные для общения, т.е. в этом случае речь должна идти о расшифровке определенной апперцепционной базы, ибо это условие восприятия и понимания не только разговорной речи, но и самых разных культурных и коммуникативных феноменов – от жестов и ритуалов до различной символики, например, цвета.

Видимо, ослышки и недослышки можно понимать в узком и широком значении, т.е. в проекции на вербальную речь и речь невербальную с учетом знаков культуры.

Вывод. Таким образом, ослышки и недослышки можно рассматривать и как установки говорящего на определенную цель, достижению которой ненужная или даже вредная информация может помешать. Ее можно умышленно не услышать или сделать вид, что услышано то, что необходимо. Ослышки и недослышки могут быть истинными, когда они на самом деле имеют место в результате отсутствия четкости дикции, определенных слуховых помех, барьеров, а могут быть и ложными, что объясняется спецификой человеческого сознания не замечать ненужное, точнее делать вид, что не замечаешь то, что мешает решению определенных задач в любой сфере человеческой деятельности в процессе коммуникации. Прежде всего, это последовательно выражается в педагогической коммуникации. Это своего рода маленькие «хитрости» тех, кто обучается, и тех, кто обучает.

Очевидно, что в современной коммуникативной лингвистике возникла необходимость изучить ослышки и недослышки более подробно для представления их полной прагматической характеристики с описанием конкретных ситуаций и их типологией с учетом разных сфер общения и задач коммуникации.

Список литературы

1. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной девиатологии / Ф. С. Бацевич. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 236 с.
2. Бацевич Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавництво «Довіра», 2007. – 205 с.
3. Галицько-руські народні приповідки: [у 3 т.] / [зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко]. – Львів: ВЦ ЛНУ ім. І. Франка, 2006. – 2-е вид. – Т. 2. – 813 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4-х т.] / [авт. Даль В. И.]. – М.: Терра–Книжный клуб, 1998. – Т. 2. – 1024 с.
5. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 384 с.
6. Сиротинина О. Б. Ослышки в разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука Ленинградское отд., 1981. – С. 233-236.
7. Фрумкина Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

Космеда Т. А. Прагматика помилок слуху чи недочування у ситуаціях педагогічної комунікації // Учене записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.352-356.

У статті характеризується актуальне для мовлення явище виникнення комунікативних девіацій, яке передусім характерне для педагогічної комунікації та пов'язане зі справжніми чи імітованими помилками слуху чи недочування, що мотивовано порушенням норм орфоєпії, дефектами артикуляції, мовленнєво-поведінковими тактиками, обраними для ведення комунікації у відповідному руслі, а також із запрограмованим, очікуваним наслідком комунікації. Недочування може бути основою відповідної мовленнєвої гри.

Ключові слова: комунікативна девіація, помилка слуху, недочування, педагогічна комунікація, мовленнєво-поведінкова тактика, мовленнєва гра.

Kosmeda T. A. Pragmatik of hearing mistakes or mishearing in the situations of pedagogical communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.352-356.

The article deals with the communicative deviations that is typical for pedagogical communication. This problem is connected with real or imitatiive mistakes of hearing or mishearing and is motivated by defects of articulation, speaking and behaviour tacts which are to kondukt communication in right way and with programme, expected result of communication Mishearing can be the base of some communicative game.

Key words: communicative deviations, mishearing, pedagogical communication, speaking and behaviour tact, communicative game.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.